

Писатели XIX в. о Святых Горах

А. П. Чехов
в Святых
Горах

I

Arizon Lopez

*Писатели XIX в.
о Святых Горах*

**А. П. Чехов
в Святых Горах**

Рассказ "Перекасти-поле"
(Путевой набросок)

Письмо М.П. Чеховой
11 мая 1887г.

Донецк
«Донбасс»
2010

ББК 84(4РОС)5
Ч56

А.П. Чехов у Святих Горах. Зб. творів (коментарі, вступ.
слово В. М. Дєдова)
– Донецьк: «Донбас» 2010. – 87 с.

Виданням подорожніх нотаток великого російського письменника А. П. Чехова відкривається серія книг під рубрикою «Письменники ХІХ століття про Святі Гори». В оповіданні «Перекоти-поле» і листі до М. П. Чехової від 11 травня 1887 автор у властивій йому манері описує свою подорож у Св'ятогорський монастир і враження від відвідування Святих Гір.

Видання супроводжується коментарями історика та ілюстраціями з архіву Святогірського історико-архітектурного заповідника.

ISBN 978-966-1615-26-6

© Дєдов В.М. Вступ. Коментарі. 2010

© Державний історико-архітектурний

заповідник у м. Святогірську - упорядкування 2010

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предлагаемый вниманию читателя небольшой по объёму сборник произведений великого русского писателя Антона Павловича Чехова (1860 – 1904) под названием «А.П. Чехов в Святых Горах» включает в себя два небольших путевых наброска, написанных по свежим впечатлениям от пребывания в Святых Горах в мае 1887 года. Это рассказ «Перекати-поле» и письмо сестре М.П. Чеховой, написанное по возвращению из Святых Гор 11 мая в Таганроге. Публикация произведений клас-

сика русской литературы подготовлена Святогорским историко–архитектурным заповедником в рамках проекта «Писатели XIX в. о Святых Горах» и приурочена к 150-летию со дня рождения писателя.

Творческий путь и биография А.П. Чехова неразрывно связаны с Украиной. Хорошо известны его „сумской” (1888–1889) и „ялтинский” (1898–1904) периоды жизни. Написанные в эти годы произведения, насыщенная творческая биография Чехова, обусловили создание двух музеев: Дома – музея А.П.Чехова в Ялте и Дома – музея А.П.Чехова в Сумах. Менее известен широкому читателю кратковременный период жизни и творчества А.П.Чехова в Донбассе. Между тем, писатель с детства полюбил этот край, считал его вторым домом и сокрушался, что Донецкая степь не оценена по достоинству беллетристами на юге. „*Это фантасти-*

ческий край, – пишет Чехов в июне 1898 г. в письме к И.Ф. Иорданову, – Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал в ней, как дома, и знал там каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-Могилу, рассказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайского, вспоминаю как я ездил на волах в Криничку и в Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов и что этот материал, очень милый и ценный никому не нужен”.

Поездка на Украину, в течении которой писатель намечал отдохнуть от суеты столичных городов и проблем, особенно материального характера, запланирована была писателем зимой 1887 года. К этому времени Антону Чехову исполнилось 27 лет, но он уже был известен как автор многочисленных рассказов, заметок, фельетонов, которые с удовольствием публи-

ковали столичные издатели Н.А.Лейкин, А.С.Суворин. Уже вышли первые сборники рассказов А.П.Чехова: «Сказки Мельпомены» и «Пёстрые рассказы». Готовился к выпуску новый сборник «В сумерках». Но писатель нуждался в новом материале, новых впечатлениях. В феврале 1887 года Антон Чехов пишет письмо хорошим знакомым Кравцовым, у которых ранее учительствовал Чехов, с сообщением о нездоровье и желаемой поездке на юг. Отец и сын Кравцовы владели небольшим хутором в местечке, именуемым Рагозиной балкой в землях Войска Донского (ныне Луганская область) и сразу же откликнулись на намерение молодого писателя погостить некоторое время среди красот южной природы: *„Ежели Вы как пишете, не здоровы и нуждаетесь в чистом сельском воздухе, то езжайте прямо к нам в Рагозину балку, лучшего воздуха ни*

в каких кримах и кавказах не найдёте... ”. Дальнейшая переписка с родственниками свидетельствует, что А.П.Чехов намечал выехать на юг в конце марта, побывать у дяди Митрофана Егоровича в Таганроге и туда же просит направлять для него корреспонденцию. Из Таганрога А.П.Чехов планировал выехать к Кравцовым и некоторое время пожить в Рагозиной балке. *„Дядьке мой адрес будет известен”*, – пишет Чехов 19 марта брату Александру.

2 апреля А.П.Чехов выехал из Москвы на юг по железной дороге. Утром 4 апреля поезд прибыл на станцию Славянск, откуда Чехов шлёт открытку сестре Марии: *„Туман и облака. Не видно ничего... Спал я великолепно. Компании во всю дорогу попадались хорошие. Христос воскрес! Ведь это письмо Вы получите на 2-3-й день праздника. Из Таганрога пришлю большое письмо... ”.*

Действительно, через несколько дней А.П. Чехов отправляет М.П. Чеховой большое письмо с подробным описанием путешествия железной дорогой начиная со 2 апреля и заканчивая впечатлениями от Таганрога в первые дни пребывания в доме дяди. Письмо дополняет открытку, отправленную из Славянска и описывает впечатления от увиденного на железнодорожных станциях: *„Просыпаюсь в Славянске, откуда шлю открытое письмо. Тут новая компания: помещик вроде Иловайского и контролёр железной дороги. Судим железные дороги. Контролёр рассказывает, как Лозово-Севастопольская дорога украла у Азовской 300 вагонов и выкрасила их в синий цвет...”*

Вообще, во время этой поездки на юг А.П.Чехову везло на неожиданные встречи. Так, на обратном пути в Москву (15 мая) писатель встретил в Славянске свою

хорошую знакомую Сашу Селиванову (дочь владельца бывшего дома Чеховых в Таганроге), о которой ходили разные слухи и мало что было известно доподлинно. Буквально за месяц до встречи в Славянске Чехов писал, что „дом Селиванова пуст и заброшен. Глядеть на него скучно, а иметь его я бы не согласился бы ни за какие деньги. Дивлюсь: как мы могли жить в нём?! Кстати: Селиванов живёт в имении, а его Саша в изгнании...”. После разговора с Сашей в Славянске Чехов пишет, что у девушки всё хорошо, она весела, устроилась учительницей на одном из заводов, одета щеголевато и вообще производит приятное впечатление. Известно, что эта встреча способствовала возобновлению контактов между ними. В архиве Российской государственной библиотеки хранится письмо А.Л. Селивановой к А.П.Чехову, в котором Саша на-

поминает писателю об обещанной книге во время встречи в Славянске и помнит о своём обещании выслать карточку. В конце Саша делает интересную приписку: *„Что же мне Вам пожелать? Так как Вы желаете мне жениха, то уж я Вам пожелаю прекрасную невесту, потом массу подписчиков на вашу книгу и побольше пациентов”*. В декабре того же года Саша гостит у Чеховых и как пишет о ней писатель брату Александру: *„Бедовая, шумная и гремучая девка. Неумолкаемо поёт и играет...”*. (впоследствии Саша – Александра Львовна Селиванова вышла замуж и стала А.Л. Краузе).

К вечеру 4 апреля А.П.Чехов прибыл в Таганрог. Погостив у дяди несколько дней, А.П.Чехов отправляется к Кравцовым. В письме к издателю Лейкину Н.А., датированном 17 апреля он пишет: *„Завтра непременно еду в Донцину. Одно письмо*

Вы можете мне послать по адресу: «Ст. Ивановка-Крестная, Донецкой каменноугольной дороги, Гавриилу Павловичу Кравцову» для передачи мне».

В Рагозиной балке писатель жил до 5 мая, откуда отправился в Святогорский монастырь.

В следующем письме к тому же Н.А. Лейкину от 5 мая Чехов сообщает: *„Сейчас еду в Славянск, а оттуда в Святые Горы, где пробуду 3-4 дня в посте и молитве. Из Святых Гор в Таганрог...*

Жил я последнее время в Донской Швейцарии, в центре так называемого Донецкого кряжа: горы, балки, лесочки, речушки и степь, степь, степь... Впечатлений тьма...

Вообще я доволен своей поездкой...».

Со станции Часов-Яр (ныне небольшой городок в Артёмовском районе Донецкой обл.) А. Чехов отправляет открытку сестре

Марии, из которой следует, что он планирует ночью того же дня, т.е. 5 мая добраться до Святых Гор. Здесь же приписка: „...*Погода чудесная. Виды восхитительные. Напоэтился я по самое горло: на 5 лет хватит*”.

Писателю не удалось в тот же день выехать в Святые Горы. Пришлось заночевать в Славянске. Впечатления от пребывания в этом городе А.П.Чехов в присущей ему манере изложил в письме от 11 мая Марии Павловне. Здесь же помещены путевые заметки о Святых горах, где писатель пробыл три дня с 6 по 8 мая. Письмо весьма реалистично описывает увиденное писателем и представляет несомненный интерес для читателя, знакомого со Святыми Горами и жизнью современного Святогорского монастыря. В настоящем издании помещён текст письма из Полного собрания сочинений и писем А.П.Чехова,

изданного в 1948 году. Письмо сопровождается комментариями историка и двумя фотографиями гостиниц, в которых останавливался писатель в Славянске и Святогорском монастыре.

Неизгладимое впечатление, которое произвели на молодого писателя Святые Горы нашло своё отражение в творчестве А.П.Чехова. Уже в письме Марии Павловне 11 мая А.П.Чехов сообщает о намерении опубликовать материал в одной из популярных столичных газет: „...*О монахах, моём знакомстве с ними, о том как я лечил монахов и старух, сообщу в «Новом времени»...*”. Ещё через три дня Чехов пишет Н.А.Лейкину: „...*Недавно я вернулся из Святых Гор, где при мне было около 15000 богомольцев. Вообще впечатлений и материала масса, и я не раскаиваюсь, что потратил 11/2 месяца на поездку*”. Общеизвестно, что один из рассказов

А.П.Чехова под названием «Перекаати-поле» написан полностью на святогорском материале и отражает реальные события и впечатления писателя от трёхдневного пребывания в Святогорском монастыре. В письме брату Ал. П. Чехову, написанному между 8 и 12 июля А.П.Чехов сообщает об отправленном в «Новое время» новом рассказе с просьбой: „ ...*Когда он (рассказ – В.Д.) будет напечатан, побывай в конторе и узнай о состоянии моих счетов. Если сверх долга останется хотя копейка, то поспешишь выслать мне, ибо я сугубо безденежен...*”. Упомянутый в письме рассказ под названием «Перекаати-поле (путевой набросок)» был опубликован 14 июля 1887 года в № 4084 петербургской газеты «Новое время» с подписью автора «Ан. Чехов». В рассказе читатель не находит обещанного Чеховым описания «знакомства с монахами, а также как он

лечил монахов и старух», зато знакомится с реальными картинами жизни обители в дни религиозных праздников, а также с героем рассказа, молодым человеком, проживавшем с писателем в одном номере гостиницы. Рассказ написан с сочувствием к незадачливому герою, одержимому тягой к образованию, но обречённому, по мнению писателя, жить без своего угла, определённого положения... Этот тип людей, скитающихся по жизни в поисках лучшей доли писатель образно сравнил со степным растением, получившем название «перекати – поле». При созревании оно отрывается от своего корня и клубком катится по полю вслед за ветром. Этот образ – метафору автор вынес в заглавие рассказа с уточнением характера произведения – «путевые заметки». Интересно, что у героя рассказа Александра Иваныча в жизни был реальный прототип – Андрей

Николаевич Сурат. В фондах Российской государственной библиотеки хранится письмо А.Н. Сурата, датированное 7 июня 1935 года, где последний пишет, что ночевал в одном номере с Чеховым в монастырской гостинице и последний интересовался: каких писателей читает и любит молодёжь на юге. Вместе с тем, в мемуарах авторов, хорошо знавших Чехова или неоднократно беседовавших с писателем проводится мысль, что А. Сурат был совсем не тем человеком за кого себя выдавал. Так, брат писателя, М.П. Чехов писал, что в рассказе «Перекасти – поле» много личного: во время путешествия к Антону Павловичу были приставлены шпионы... Один из таких шпионов под благовидным предлогом, что в монастырской гостинице будто бы не оказалось свободного места, был помещён в один номер с Антоном Павловичем. По свидетельству ещё одно-

го автора, беллетриста Б.А. Лазаревского, во время одной из бесед с А.П.Чеховым, которая состоялась в январе 1903 года, был затронут вопрос о реальности событий и персонажей в рассказе «Перекасти – поле». Чехов ответил, что рассказ из действительной жизни и добавил: *„Вот этот мой сожитель по монастырской гостинице оказался потом сыщиком...”*. В этом контексте обращает на себя внимание эпизод в самом рассказе, где поведение или точнее состояние героя рассказа Александра Иваныча кажется несколько странным и не получившим убедительного объяснения. Автор рассказа пишет от первого лица: *„Перед тем как ложится спать, я вышел в коридор, чтобы напиться воды. Когда я вернулся, мой сожитель стоял среди номера и испуганно глядел на меня. Лицо его было бледно-серым, и на лбу блестел пот. – У меня ужасно нервы*

расстроены, – пробормотал он, болезненно улыбаясь, – ужасно! Сильное психологическое расстройство...”. Такое состояние обычно наблюдается у человека, который только что совершил поступок или действия, которые непременно будут осуждены в случае их раскрытия, например, интерес к содержимому чемодана соседа по номеру. Впрочем, эта точка зрения на героя рассказа «Перекасти – поле» разделяется не всеми исследователями, в том числе в писательской среде, что требует дополнительного изучения данного вопроса.

После публикации рассказа «Перекасти-поле» в столичной газете молодой писатель получил хорошие отзывы и неплохой гонорар. Как писал сам А.П.Чехов двоюродному брату Георгию Митрофановичу 17 октября 1887 года: *„В «Новом времени» я описал Святые горы. Один молодой*

человек, архиерейский племянник, рассказал мне, что он видел, как три архиерея читали это описание: один читал, а двое слушали. Понравилось. Значит и в Святых Горах понравилось. Заработал я благодаря Святым горам сто рублей. Описывал степь. Описание степи понравилось очень многим, особенно в Питере...” Из этого фрагмента письма видно, что Чехову небезразлично было как воспримут его рассказ в монастыре. Впоследствии рассказ «Перекасти – поле» неоднократно переиздавался, в том числе за рубежом в переводе на иностранные языки. Так, в письме на французском языке, адресованному Д. Рош 29 ноября 1898 года А.П.Чехов писал: *„Я только что получил два билета французского банка (150 фр.), которые Вы были так добры мне прислать; очень благодарю от всего сердца и в свою очередь посылаю Вам разрешение на перевод*

моих двух рассказов «Перекасти – поле» и «Кошмар». Посылаю его с большим удовольствием». Рассказ «Перекасти-поле» неоднократно переиздавался за последние пятнадцать лет Святогорским историко – архитектурным заповедником в составе сборника «Святые Горы. От забвения к возрождению» (1995, 2004, 2009). Настоящее издание этого произведения отличает наличие комментариев, помещённых в конце текста и фотоиллюстраций XIX в., вставленных по тексту рассказа. Это позволит читателю вместе с автором побывать в Святых Горах в период жизни обители в 80-х годах XIX века.

Впоследствии А.П. Чехов ещё не раз будет обращаться в своём творчестве к образу Святых Гор как священному образу, месту паломничества и молитвы святых угодников. Так, в пьесе «На большой дороге» писатель в число действующих лиц

вводит старика-странника Савву, который совершает паломничество по святым местам. Действие пьесы происходит на Украине, в придорожном трактире. Савва рассказывает завсегдажаям харчевни, что сам он вологодский, из мещан тамошних, а идет он пешком из самой Вологды. Недавно был у «Тихона Задонского», а сейчас идёт в Святые Горы, а из Святых Гор пойдёт на Одессу, чтобы отправится в Иерусалим. Таким образом, для А.П. Чехова нет ничего удивительного, что герой его пьесы – странник из далёкой Вологды идёт пешком по святым местам, в числе которых в одном ряду стоят и Святые Горы и Иерусалим.

«Святогорский материал», как и вообще впечатления от пребывания в Донецком крае весной 1887 года вдохновили писателя на создание таких рассказов как «Печенег», «Лев и солнце», «Красавицы»,

«Счастье», «В родном углу». Вершиной творчества А.П. Чехова этого периода является повесть «Степь», опубликованная в 1888 году.

Надеюсь, что читатель получит истинное удовольствие от прочтения помещённых в этом издании произведений о Святых горах, принадлежащих перу А.П. Чехова, непревзойдённого мастера короткого рассказа и которого по выражению Л.Н. Толстого как истинного художника *„можно перечитывать несколько раз“*.

В.Н.Дедов

Заслуженный работник
культуры Украины

А.М. Чехов

“Перекасти-поле”

(Путевой набросок)

Рассказ

*Впервые опубликован в
газете «Новое время» №4084*

14 июля 1887 года

Я возвращался со всенощной. Часы на святогорской колокольне, в виде предисловия, проиграли свою тихую, мелодичную музыку и вслед за этим пробили двенадцать.¹ Большой монастырский двор, расположенный на берегу Донца у подножия Святой Горы и огороженный, как стеною, высокими гостиными корпусами, теперь, в ночное время, когда его освещали только тусклые фонари, огоньки в окнах да звезды, представлял из себя живую кашу, полную движения, звуков и оригинальнейшего беспорядка. Весь он, от края до края, куда только хватало зрение, был густо запружен всякого рода телегами, кибитками, фургонами, арбами, колымагами, около которых толпились темные и белые лошади, рогатые волы, суетились люди, сновали во все стороны черные, длиннополые послушники; по возам, по головам людей и лошадей двигались тени

Часы на святогорской колокольне, в виде предисловия, проиграли свою тихую, мелодичную музыку и вслед за этим пробили двенадцать

и полосы света, бросающиеся из окон, – и всё это в густых сумерках принимало самые причудливые, капризные формы: то поднятые оглобли вытягивались до неба, то на морде лошади показывались огненные глаза, то у послушника вырастали черные крылья... Слышались говор, фырканье и жеванье лошадей, детский писк, скрип. В ворота входили новые толпы и въезжали запоздавшие телеги.² Сосны, которые громоздились на отвесной горе одна над другой и склонялись к крыше гостиного корпуса, глядели во двор, как в глубокую яму, и удивленно прислушивались; в их темной чаще, не умолкая, кричали кукушки и соловьи... Глядя на сумятицу, прислушиваясь к шуму, казалось, что в этой живой каше никто никого не понимает, все чего-то ищут и не находят и что этой массе телег, кибиток и людей едва ли удастся когда-нибудь разъехаться.

Большой монастырский двор, расположенный на берегу Донца у подножия Святой Горы и огороженный, как стеною, высокими гостинными корпусами...

К дням Иоанна Богослова и Николая Чудотворца в Святые Горы стеклоь более десяти тысяч. Были битком набиты не только гостинные корпуса, но даже пе-

карня, швальня, столярная, каретная... Те, которые явились к ночи, в ожидании, пока им укажут место для ночлега, как осенние мухи, жались у стен, у колодцев или же в узких коридорчиках гостиницы. Послушники, молодые и старые, находились в непрерывном движении, без отдыха и без надежды на смену. Днем и позднею ночью они одинаково производили впечатление людей, куда-то спешащих и чем-то встревоженных, лица их, несмотря на крайнее изнеможение, одинаково были бодры и приветливы, голос ласков, движения быстры... Каждому приехавшему и пришедшему они должны были найти и указать место для ночлега, дать ему поесть и напиться; кто был глух, бестолков или щедр на вопросы, тому нужно было долго и мучительно объяснять, почему нет пустых номеров, в какие часы бывает служба, где продаются просфоры и т. д.

Нужно было бегать, носить, неумолкаемо говорить, но мало того, нужно еще быть любезным, тактичным, стараться, чтобы мариупольские греки, живущие комфортабельнее, чем хохлы, помещались не иначе как с греками, чтобы какая-нибудь бахмутская или лисичанская мещанка, одетая «благородно», не попала в одно помещение с мужиками и не обиделась. То и дело слышались возгласы: «Батюшка, благословите кваску! Благословите сенца!» Или же: «Батюшка, можно мне после исповеди воды напиться?» И послушник должен был выдавать квас, сена или же отвечать: «Обратитесь, матушка, к духовнику. Мы не имеем власти разрешать». Следовал новый вопрос: «А где духовник?» И нужно было объяснять, где келья духовника... При такой хлопотливой деятельности хватало еще времени ходить в церковь на службу, служить на дворянской

половине и пространно отвечать на массу праздных и непраздных вопросов, какими любят сыпать интеллигентные богомольцы. Приглядываясь к ним в течение суток, трудно было понять, когда сидят и когда спят эти черные движущиеся фигуры.

Когда я, возвращаясь со всенощной, подошел к корпусу, в котором мне было отведено помещение, на пороге стоял монах-гостинник, а возле него толпилось на ступенях несколько мужчин и женщин в городском платье.

— Господин, — остановил меня гостинник, — будьте добры, позвольте вот этому молодому человеку переночевать в вашем номере! Сделайте милость! Народу много, а мест нет — просто беда!

И он указал на невысокую фигуру в легком пальто и в соломенной шляпе. Я согласился, и мой случайный сожитель отправился за мной. Отпирая у своей две-

ри висячий замочек, я всякий раз, хочешь не хочешь, должен был смотреть на картину, висевшую у самого косяка на уровне моего лица. Эта картина с заглавием «Размышление о смерти» изображала коленопреклоненного монаха, который глядел в гроб и на лежавший в нем скелет; за спиной монаха стоял другой скелет, покрупнее и с косою.

– Кости такие не бывают, – сказал мой сожитель, указывая на то место скелета, где должен быть таз.

– Вообще, знаете ли, духовная пища, которую подают народу, не первого сорта, – добавил он и испустил носом протяжный, очень печальный вздох, который должен был показать мне, что я имею дело с человеком, знающим толк в духовной пище.

Пока я искал спички и зажигал свечу, он еще раз вздохнул и сказал:

– В Харькове я несколько раз бывал в анатомическом театре и видел кости. Был даже в мертвецкой. Я не стесняю вас?

Мой номер был мал и тесен, без стола и стульев, весь занятый комодом у окна, печью и двумя деревянными диванчиками, стоявшими у стен друг против друга и отделенными узким проходом. На диванчиках лежали тощие, порыжевшие матрасики и мои вещи. Диванов было два, – значит, номер предназначался для двоих, на что я и указал сожителю.

– Впрочем, скоро зазвонят к обеду, – сказал он, – и мне недолго придется стеснять вас.

Всё еще думая, что он меня стесняет, и чувствуя неловкость, он виноватою походкою пробрался к своему диванчику, виновато вздохнул и сел. Когда сальная свечка, кивая своим ленивым и тусклым огнем, достаточно разгорелась и осветила

нас обоих, я мог уже разглядеть его. Это был молодой человек лет двадцати двух, круглолицый, миловидный, с темными детскими глазами, одетый по-городски во всё серенькое и дешевое и, как можно было судить по цвету лица и по узким плечам, не знавший физического труда. Типа он казался самого неопределенного. Его нельзя было принять ни за студента, ни за торгового человека, ни тем паче за рабочего, а глядя на миловидное лицо и детские, ласковые глаза, не хотелось думать, что это один из тех праздношатаев-пройдох, которыми во всех общежительных пустынях, где кормят и дают ночлег, хоть пруд пруди и которые выдают себя за семинаристов, исключенных за правду, или за бывших певчих, потерявших голос... Было в его лице что-то характерное, типичное, очень знакомое, но что именно – я никак не мог ни понять, ни вспомнить.

Он долго молчал и о чем-то думал. Вероятно, после того, как я не оценил его замечания насчет костей и мертвецкой, ему казалось, что я сердит и не рад его присутствию. Вытащив из кармана колбасу, он повертел ее перед глазами и сказал нерешительно:

– Извините, я вас побеспокою... У вас нет ножика?

Я дал ему нож.

– Колбаса отвратительная, – поморщился он, отрезывая себе кусочек.

– В здешней лавочке продают дрянь, но дерут ужасно... Я бы вам одолжил кусочек, но вы едва ли согласитесь кушать. Хотите?

В его «одолжил» и «кушать» слышалось тоже что-то типичное, имевшее очень много общего с характерным в лице, но что именно, я всё еще не мог никак понять. Чтобы внушить к себе доверие и

показать, что я вовсе не сержусь, я взял предложенный им кусочек. Колбаса действительно была ужасная; чтобы сладить с ней, нужно было иметь зубы хорошей цепной собаки. Работая челюстями, мы разговорились. Начали с того, что пожаловались друг другу на продолжительность службы.

– Здешний устав приближается к афонскому, – сказал я, – но на Афоне обыкновенная всенощная продолжается 10 часов, а под большие праздники – 14. Вот там бы вам помолиться!

– Да! – сказал мой сожитель и покрутил головой. – Я здесь три недели живу. И знаете ли, каждый день служба, каждый день служба... В будни в 12 часов звонят к заутрени, в 5 часов к ранней обедне, в 9 – к поздней. Спать совсем невозможно. Днем же акафисты, правила, вечерни... А когда я говел, так просто падал от утомления. –

Он вздохнул и продолжал: – А не ходить в церковь неловко... Дают монахи номер, кормят, и как-то, знаете ли, совестно не ходить. Оно ничего, день, два, пожалуй, можно постоять, но три недели тяжело! Очень тяжело! Вы надолго сюда?

– Завтра вечером уезжаю.

– А я еще две недели проживу.

– Но здесь, кажется, не принято так долго жить? – сказал я.

– Да, это верно, кто здесь долго живет и объедает монахов, того просят уехать. Судите сами, если позволить пролетариям жить здесь сколько им угодно, то не останется ни одного свободного номера, и они весь монастырь съедят. Это верно. Но для меня монахи делают исключение и, надеюсь, еще не скоро меня отсюда прогонят. Я, знаете ли, новообращенный.

– То есть?

– Я еврей, выкрест... Недавно принял

православие.

Теперь я уже понял то, чего раньше никак не мог понять на его лице: и толстые губы, и манеру во время разговора приподнимать правый угол рта и правую бровь, и тот особенный масленистный блеск глаз, который присущ одним только семитам, понял я и «одолжил», и «кушать»... Из дальнейшего разговора я узнал, что его зовут Александром Ивановичем, а раньше звали Исааком, что он уроженец Могилевской губернии и в Святые Горы попал из Новочеркасска, где принимал православие.⁴ Одолев колбасу, Александр Иванович встал и, приподняв правую бровь, помолился на образ. Бровь так и осталась приподнятой, когда он затем опять сел на диванчик и стал рассказывать мне вкратце свою длинную биографию.

– С самого раннего детства я питал любовь к учению, – начал он таким тоном,

как будто говорил не о себе, а о каком-то умершем великом человеке. – Мои родители – бедные евреи, занимаются грошовой торговлей, живут, знаете ли, по-нищенски, грязно. Вообще весь народ там бедный и суеверный, учения не любят, потому что образование, понятно, отдаляет человека от религии... Фанатики страшные... Мои родители ни за что не хотели учить меня, а хотели, чтобы я тоже занимался торговлей и не знал ничего, кроме талмуда... Но всю жизнь биться из-за куска хлеба, болтаясь в грязи, жевать этот талмуд, согласитесь, не всякий может. Бывало, в корчму к папаше заезжали офицеры и помещики, которые рассказывали много такого, чего я тогда и во сне не видел, ну, конечно, было соблазнительно и разбирала зависть. Я плакал и просил, чтобы меня отдали в школу, а меня выучили читать по-еврейски и больше ничего. Раз я нашел русскую газету, принес

ее домой, чтобы из нее сделать змей, так меня побили за это, хотя я и не умел читать по-русски. Конечно, без фанатизма нельзя, потому что каждый народ инстинктивно бережет свою народность, но я тогда этого не знал и очень возмущался...

Сказав умную фразу, бывший Исаак от удовольствия поднял правую бровь еще выше и поглядел на меня как-то боком, как петух на зерно, и с таким видом, точно хотел сказать: «Теперь наконец вы убедились, что я умный человек?» Поговорив еще о фанатизме и о своем непреодолимом стремлении к просвещению, он продолжал:

– Что было делать! Я взял и бежал в Смоленск. А там у меня был двоюродный брат, который лудил посуду и делал жестянки. Понятно, я нанялся к нему в подмастерья, так как жить мне было нечем, ходил я босиком и оборванный... Думал

так, что днем буду работать, а ночью и по субботам учиться. Я так и делал, но узнала полиция, что я без паспорта, и отправила меня по этапу назад к отцу...

Александр Иванович пожал одним плечом и вздохнул.

– Что будешь делать! – продолжал он, и чем ярче воскресало в нем прошлое, тем сильнее чувствовался в его речи еврейский акцент. – Родители наказали меня и отдали дедушке, старому еврею-фанатику, на исправление. Но я ночью ушел в Шклов. А когда в Шклове ловил меня мой дядя, я пошел в Могилев; там пробыл два дня и с товарищем пошел в Стародуб.

Далее рассказчик перебрал в своих воспоминаниях Гомель, Киев, Белую Церковь, Умань, Балту, Бендеры и, наконец, добрался до Одессы.

– В Одессе я целую неделю ходил без дела и голодный, пока меня не приняли

евреи, которые ходят по городу и покупают старое платье. Я уж умел тогда читать и писать, знал арифметику до дробей и хотел поступить куда-нибудь учиться, но не было средств. Что делать! Полгода ходил я по Одессе и покупал старое платье, но евреи, мошенники, не дали мне жалованья, я обиделся и ушел. Потом на пароходе я уехал в Перекоп.

– Зачем?

– Так. Один грек обещал мне дать там место. Одним словом, до 16 лет ходил я так, без определенного дела и без почвы, пока не попал в Полтаву. Тут один студент-еврей узнал, что я желаю учиться, и дал мне письмо к харьковским студентам. Конечно, я пошел в Харьков. Студенты посоветовались и начали готовить меня в техническое училище. И знаете, я вам скажу, студенты мне попались такие, что я не забуду их до самой смерти. Не говорю уж

про то, что они дали мне квартиру и кусок хлеба, они поставили меня на настоящую дорогу, заставили меня мыслить, указали цель жизни. Между ними были умные, замечательные люди, которые уж и теперь известны. Например, вы слыхали про Грумахера?

– Нет, не слыхал.

– Не слыхали... Писал очень умные статьи в харьковских газетах и готовился в профессора. Ну, я много читал, участвовал в студенческих кружках, где не услышишь пошлостей. Приготовлялся я полгода, но так как для технического училища нужно знать весь гимназический курс математики, то Грумахер посоветовал мне готовиться в ветеринарный институт, куда принимают из шестого класса гимназии. Конечно, я стал готовиться. Я не желал быть ветеринаром, но мне говорили, что кончивших курс в институте принимают

без экзамена на третий курс медицинского факультета. Я выучил всего Кюнера, уж читал аливервер⁵ Корнелия Непота и по греческому языку прошел почти всего Курциуса, но, знаете ли, то да се... студенты разъехались, неопределенность положения, а тут еще я услышал, что приехала моя мамаша и ищет меня по всему Харькову. Тогда я взял и уехал. Что будешь делать! Но, к счастью, я узнал, что здесь на Донецкой дороге есть горное училище. Отчего не поступить? Ведь вы знаете, горное училище дает права штегера – должность великолепная, а я знаю шахты, где штегера получают полторы тысячи в год. Отлично... Я поступил...

Александр Иваныч с выражением благоговейного страха на лице перечислил дюжины две замысловатых наук, преподаваемых в горном училище, и описал самое училище, устройство шахт, положение

рабочих... Затем он рассказал страшную историю, похожую на вымысел, но которой я не мог не поверить, потому что уж слишком искренен был тон рассказчика и слишком откровенно выражение ужаса на его семитическом лице.

– А во время практических занятий, какой однажды был со мной случай! – рассказывал он, подняв обе брови. – Был я на одних шахтах тут, в Донецком округе. А вы ведь видели, как люди спускаются в самый рудник. Помните, когда гонят лошадь и приводят в движение ворот, то по блоку одна бадья спускается в рудник, а другая поднимается, когда же начнут поднимать первую, тогда опускается вторая – всё равно, как в колодце с двумя ушатами. Ну, сел я однажды в бадью, начинаю спускаться вниз, и можете себе представить, вдруг слышу – трррр! Цепь разорвалась, и я полетел к чёрту вместе с бадьей

и обрывком цепи... Упал с трехсаженной вышины прямо грудью и животом, а бадья, как более тяжелая вещь, упала раньше меня, и я ударился вот этим плечом об ее ребро. Лежу, знаете, огорошенный, думаю, что убился насмерть, и вдруг вижу – новая беда: другая бадья, что поднималась вверх, потеряла противовес и с грохотом опускается вниз прямо на меня... Что будете делать? Видя такой факт, я прижался к стене, съежился, жду, что вот-вот сейчас эта бадья со всего размаха трахнет меня по голове, вспоминаю папашу и мамашу, и Могилев, и Грумахера... молюсь богу, но, к счастью... Даже вспомнить страшно.

Александр Иванович насильно улыбнулся и вытер ладонью лоб.

– Но, к счастью, она упала возле и только слегка зацепила этот бок... Содрала, знаете, с этого бока сюртук, сорочку и кожу... Сила страшная. Потом я был без чувств.

Меня вытащили и отправили в больницу. Лечился я четыре месяца, и доктора сказали, что у меня будет чахотка. Я теперь всегда кашляю, грудь болит и страшное психологическое расстройство... Когда я остаюсь один в комнате, мне бывает очень страшно. Конечно, при таком здоровье уже нельзя быть штегером. Пришлось бросить горное училище...

– А теперь чем вы занимаетесь? – спросил я.

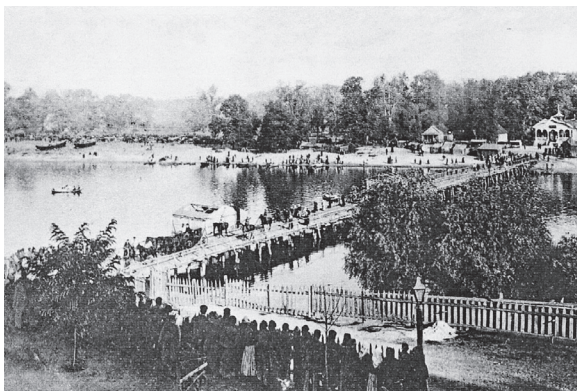
– Я держал экзамен на сельского учителя. Теперь ведь я православный и имею право быть учителем. В Новочеркасске, где я крестился, во мне приняли большое участие и обещали место в церковно-приходской школе. Через две недели поеду туда и опять буду просить.

Александр Иваныч снял пальто и остался в одной сорочке с вышитым русским воротом и с шерстяным поясом.

– Спать пора, – сказал он, кладя в изголовье свое пальто и зевая. – Я, знаете ли, до последнего времени совсем не знал бога. Я был атеист. Когда лежал в больнице, я вспомнил о религии и начал думать на эту тему. По моему мнению, для мыслящего человека возможна только одна религия, а именно христианская. Если не веришь в Христа, то уж больше не во что верить... Не правда ли? Иудаизм отжил свой век и держится еще только благодаря особенностям еврейского племени. Когда цивилизация коснется евреев, то из иудаизма не останется и следа. Вы заметьте, все молодые евреи уже атеисты. Новый завет есть естественное продолжение Ветхого. Не правда ли?

Я стал выведывать у него причины, побудившие его на такой серьезный и смелый шаг, как перемена религии, но он твердил мне только одно, что «Новый за-

вет есть естественное продолжение Ветхо-го» – фразу, очевидно, чужую и заученную и которая совсем не разъясняла вопроса. Как я ни бился и ни хитрил, причины остались для меня темными. Если можно было верить, что он, как утверждал, принял православие по убеждению, то в чем состояло и на чем зиждилось это убежде-

*В хмурое, посиневшее окошко видны
были уже ясно оба берега Донца и
дубовая роща за рекой*

ние – из его слов понять было невозможно; предположить же, что он переменял веру ради выгоды, было тоже нельзя: дешевая, поношенная одежонка, проживание на монастырских хлебах и неопределенное будущее мало походили на выгоды.

Оставалось только помириться на мысли, что переменить религию побудил моего сожителя тот же самый беспокойный дух, который бросал его, как щепку, из города в город и который он, по общепринятому шаблону, называл стремлением к просвещению.

Перед тем как ложиться спать, я вышел в коридор, чтобы напиться воды. Когда я вернулся, мой сожитель стоял среди номера и испуганно глядел на меня. Лицо его было бледно-серо, а на лбу блестел пот. – У меня ужасно нервы расстроены, – пробормотал он, болезненно улыбаясь, – ужасно! Сильное психологическое рас-

стройство. Впрочем, всё это пустяки. И он опять стал толковать о том, что Новый завет есть естественное продолжение Ветхого, что иудаизм отжил свой век. Подбирая фразы, он как будто старался собрать все силы своего убеждения и заглушить ими беспокойство души, доказать себе, что, переменяв религию отцов, он не сделал ничего страшного и особенного, а поступил, как человек мыслящий и свободный от предрассудков, и что поэтому он смело может оставаться в комнате один на один со своею совестью. Он убеждал себя и глазами просил у меня помощи...

Между тем на сальной свечке нагорел большой, неуклюжий фитиль. Уже светало. В хмурое, посиневшее окошко видны были уже ясно оба берега Донца и дубовая роща за рекой. Нужно было спать.

– Завтра здесь будет очень интересно,
– сказал мой сожитель, когда я потушил

свечку и лег. – После ранней обедни крестный ход поедет на лодках из монастыря в скит.

Подняв правую бровь и склонив голову на бок, он помолился образу и, не раздеваясь, лег на свой диванчик.

– Да, – сказал он, повернувшись на другой бок.

После ранней обедни крестный ход поедет на лодках из монастыря в скит

– Что – да? – спросил я.

– Когда я в Новочеркасске принял православие, моя мамаша искала меня в Ростове. Она чувствовала, что я хочу переменить веру. – Он вздохнул и продолжал: – Уже шесть лет как я не был там, в Могилевской губернии. Сестра, должно быть, уже замуж вышла.

Помолчав немного и видя, что я еще не уснул, он стал тихо говорить о том, что скоро, слава богу, ему дадут место, и он наконец будет иметь свой угол, определенное положение, определенную пищу на каждый день... Я же, засыпая, думал, что этот человек никогда не будет иметь ни своего угла, ни определенного положения, ни определенной пищи. Об учительском месте он мечтал вслух, как об обетованной земле; подобно большинству людей, он питал предубеждение к скитальчеству и считал его чем-то необыкновенным, чуж-

дым и случайным, как болезнь, и искал спасения в обыкновенной будничной жизни. В тоне его голоса слышались сознание своей ненормальности и сожаление. Он как будто оправдывался и извинялся.

Не далее как на аршин от меня лежал скиталец; за стенами в номерах и во дворе, около телег, среди богомольцев не одна сотня таких же скитальцев ожидала утра, а еще дальше, если сумеешь представить себе всю русскую землю, какое множество таких же перекаати-поле, ища где лучше, шагало теперь по большим и проселочным дорогам или, в ожидании рассвета, дремало в постоянных дворах, корчмах, гостиницах, на траве под небом... Засыпая, я воображал себе, как бы удивились и, быть может, даже обрадовались все эти люди, если бы нашлись разум и язык, которые сумели бы доказать им, что их жизнь так же мало нуждается в оправдании, как и

*Тропинка от монастыря до скита, куда я отправился,
змеей вилась по высокому крутому берегу
то вверх, то вниз...*

всякая другая.

Во сне я слышал, как за дверями жалобно, точно заливаясь горячими слезами, прозвонил колокольчик и послушник прокричал несколько раз:

– Господи Иисусе Христе сыне божий, помилуй нас! Пожалуйте к обедне!

Когда я проснулся, моего сожителя уже не было в номере. Было солнечно, и за окном шумел народ. Выйдя, я узнал, что

*Внизу блестел Донец и отражал в себе солнце,
вверху белел меловой скалистый берег*

обедня уже кончилась, и крестный ход давно уже отправился в скит.⁶ Народ толпами бродил по берегу и, чувствуя себя праздным, не знал, чем занять себя; есть и пить было нельзя, так как в скиту еще не кончилась поздняя обедня; монастырские лавки, где богомольцы так любят толкаться и прицениваться, были еще заперты. Многие, несмотря на утомление, от скуки брели в скит.

Тропинка от монастыря до скита, куда я отправился, змеей вилась по высокому крутому берегу то вверх, то вниз, огибая дубы и сосны.

Внизу блестел Донец и отражал в себе солнце, вверху белел меловой скалистый берег и ярко зеленела на нем молодая зелень дубов и сосен, которые, нависая друг над другом, как-то ухитряются расти почти на отвесной скале и не падать. По тропинке гуськом тянулись богомольцы.

Всего больше было хохлов из соседних уездов, но было много и дальних, пришедших пешком из Курской и Орловской губерний; в пестрой веренице попадались и мариупольские греки-хуторяне, сильные, степенные и ласковые люди, далеко не похожие на тех своих хилых и вырождающихся единоплеменников, которые наполняют наши южные приморские города; были тут и донцы с красными лампасами, и тавричане, выселенцы из Таврической губернии. Было здесь много богомольцев и неопределенного типа, вроде моего Александра Иваныча: что они за люди и откуда, нельзя было понять ни по лицам, ни по одежде, ни по речам.

Тропинка оканчивалась у маленького плота, от которого, прорезывая гору, шло влево к скиту неширокое шоссе. У плота стояли две большие, тяжелые лодки, угрюмого вида, вроде тех новозеландских

В скиту еще не кончилась поздняя обедня...

пирог, которые можно видеть в книгах Жюля Верна.

Одна лодка, с коврами на скамьях, предназначалась для духовенства и певчих, другая, без ковров – для публики. Когда крестный ход плыл обратно в монастырь, я находился в числе избранных, сумевших протискаться во вторую. Избранных набралось так много, что лодка еле двигалась, и всю дорогу приходилось стоять, не шевелиться и спасать свою шляпу от ломки.

Путь казался прекрасным. Оба берега – один высокий, крутой, белый с нависшими соснами и дубами, с народом, спешившим обратно по тропинке, и другой – отлогий, с зелеными лугами и дубовой рощей, – залитые светом, имели такой счастливый и восторженный вид, как будто только им одним было обязано майское утро своею прелестью. Отражение солнца в быстро

текущем Донце дрожало, расплзлось во все стороны, и его длинные лучи играли на ризах духовенства, на хоругвях, в брызгах, бросаемых веслами. Пение пасхального канона, колокольный звон, удары весел по воде, крик птиц – всё это мешалось в воздухе в нечто гармоническое и нежное. Лодка с духовенством и хоругвями плыла впереди. На ее корме неподвижно, как статуя, стоял черный послушник.

Когда крестный ход приближался к монастырю, я заметил среди избранных Александра Иваныча. Он стоял впереди всех и, раскрыв рот от удовольствия, подняв вверх правую бровь, глядел на процессию. Лицо его сияло; вероятно, в эти минуты, когда кругом было столько доволен и собой, и новой верой, и своею совестью.

Когда немного погодя мы сидели в номере и пили чай, он всё еще сиял доволь-

ством; лицо его говорило, что он доволен и чаем, и мной, вполне ценит мою интеллигентность, но что и сам не ударит лицом в грязь, если речь пойдет о чем-нибудь этакком...

– Скажите, какую бы мне почитать психологию? – начал он умный разговор, сильно морща нос.

– А для чего вам?

– Без знания психологии нельзя быть учителем. Прежде чем учить мальчика, я должен узнать его душу.

Я сказал ему, что одной психологии мало для того, чтобы узнать душу мальчика, и к тому же психология для такого педагога, который еще не усвоил себе технических приемов обучения грамоте и арифметике, является такою же роскошью, как высшая математика. Он охотно согласился со мной и стал описывать, как тяжела и ответственна должность учите-

ля, как трудно искоренить в мальчике наклонность к злу и суеверию, заставить его мыслить самостоятельно и честно, внушить ему истинную религию, идею личности, свободы и проч. В ответ на это я сказал ему что-то. Он опять согласился. Вообще он очень охотно соглашался. Очевидно, всё «умное» непрочно сидело в его голове.

До самого моего отъезда мы вместе слонялись около монастыря и коротали длинный жаркий день. Он не отставал от меня ни на шаг; привязался ли он ко мне, или же боялся одиночества, бог его знает! Помню, мы сидели вместе под кустами желтой акации в одном из садиков, разбросанных по горе.

– Через две недели я уйду отсюда, – сказал он.

– Пора!

– Отсюда до Славянска пешком, потом

по железной дороге до Никитовки. От Никитовки начинается ветвь Донецкой дороги. По этой ветви я до Хацепетовки дойду пешком, а там дальше провезет меня знакомый кондуктор.

Я вспомнил голую, пустынную степь между Никитовкой и Хацепетовкой и вообразил себе шагающего по ней Александра Иваныча с его сомнениями, тоской по родине и страхом одиночества... Он прочел на моем лице скуку и вздохнул. «А сестра, должно быть, уже замуж вышла!» – подумал он вслух, и тотчас же, желая отвязаться от грустных мыслей, указал на верхушку скалы и сказал:

– С этой горы Изюм видно.

Во время прогулки по горе с ним случилось маленькое несчастье: вероятно, спотыкнувшись, он порвал свои сарпировые брюки и сбил с башмака подошву.

– Тс... – поморщился он, снимая баш-

мак и показывая босую ногу без чулка. — Неприятно... Это, знаете ли, такое осложнение, которое... Да!

Вертя перед глазами башмак и как бы не веря, что подошва погибла навеки, он долго морщился, вздыхал и причмокивал. У меня в чемодане были полуштиблеты старые, но модные, с острыми носами и тесемками; я брал их с собою на всякий случай и носил только в сырую погоду. Вернувшись в номер, я придумал фразу подипломатичнее и предложил ему эти полуштиблеты. Он принял и сказал важно:

— Я бы поблагодарил вас, но знаю, что вы благодарность считаете предрассудком.

Острые носы и тесемки полуштиблетов растрогали его, как ребенка, и даже изменили его планы.

— Теперь я пойду в Новочеркасск не че-

рез две недели, а через неделю, – размышлял он вслух.

– В таких башмаках не совестно будет явиться к крестному папаше. Я, собственно, не уезжал отсюда потому, что у меня приличной одежды нет...

Когда ямщик выносил мой чемодан, вошел послушник с хорошим насмешливым лицом, чтобы подмести в номере. Александр Иванович как-то заторопился, сконфузился и робко спросил у него:

– Мне здесь оставаться или в другое место идти?

Он не решался занять своею особою целый номер и, по-видимому, уже стыдился того, что жил на монастырских хлебах. Ему очень не хотелось расставаться со мной; чтобы по возможности отдалить одиночество, он попросил позволения проводить меня.

Дорога из монастыря, прорытая к ме-

ловой горе и стоившая немалых трудов, шла вверх, в объезд горы почти спирально, по корням, под нависшими суровыми соснами...⁷ Сначала скрылся с глаз Донец, за ним монастырский двор с тысячами людей, потом зеленые крыши... Оттого, что я поднимался, всё казалось мне исчезающим в яме. Соборный крест, раскаленный от лучей заводящего солнца, ярко сверкнул в пропасти и исчез. Остались одни только сосны, дубы и белая дорога. Но вот коляска въехала на ровное поле, и всё это осталось внизу и позади; Александр Иванович спрыгнул и, грустно улыбнувшись, взглянув на меня в последний раз своими детскими глазами, стал спускаться вниз и исчез для меня навсегда...

Святогорские впечатления стали уже воспоминаниями, и я видел новое: ровное поле, беловато-бурую даль, рощицу у дороги, а за нею ветряную мельницу, кото-

рая стояла не шевелясь и, казалось, скучала оттого, что по случаю праздника ей не позволяют махать крыльями.

*Мемориальная плита на здании монастырской
гостиницы (корпус № 9 Святогорской Лавры).
Установлена в 1954 году*

Комментарии к рассказу
«Перекасти поле»

¹ Автор описывает знаменитые часы на колокольне Покровской церкви. Часы были пожертвованы монастырю „генеральшей” Яковлевой в 1849 году и тогда же устроены в барабане строящейся колокольни. Благодаря очеркам Вас. И. Немировича-Данченко «Святые Горы», написанным за десять лет до посещения монастыря А.П. Чеховым, история этих часов и реконструировавших их монаха Антонина стали широко известны широкому кругу читателей. К сожалению, сами часы до настоящего времени не сохранились и лишь место их установки в верхнем ярусе колокольни обозначено зияющими отверстиями под циферблаты, обращенные по четырём сторонам света. Одна из фотографий, запечатлевшая часы святогорской колокольни в кон. XIX в. приведена в настоящем издании.

² Ворота гостиного двора монастыря были устроены в проёме по центру здания двухэтажной гостиницы, выходящей своим

северным фасадом к Дону. Это здание, построенное совместно с другими зданиями монастырской гостиницы во 2-й пол. XIX в. образовывало замкнутое дворовое пространство, предназначенное для приёма и обустройства многочисленных паломников, стремящихся в Святогорский монастырь в дни религиозных праздников. В самом конце XIX века здание гостиницы, где останавливался А.П. Чехов было, существенным образом перестроено с увеличением этажности, однако композиционно – планировочное решение гостиничного двора сохранилось до настоящего времени.

³ На фасаде Гостиничного корпуса №9 установлена памятная доска о пребывании здесь в 1887 году А.П. Чехова.

Гостиничный корпус находится под охраной государства как памятник архитектуры XIX в. национального значения.

⁴ Герой рассказа «Перекасти-поле» Александр Иванович имел в жизни реальный прототип. Как было установлено позднее, в одном номере с автором рассказа проживал Андрей

Николаевич Сурат, впоследствии занимавшийся преподавательской деятельностью. (Подробнее см. вступительное слово к настоящему изданию).

⁵ без подготовки (франц. *à livre ouvert*).

⁶ Крестный ход с допуском мирян в скит св. Арсения по монастырскому уставу совершался три раза в год: на третий день Рождества Христова, день памяти св. Арсения (8 мая по старому стилю) и в канун Успения Пр.Богородицы (14 августа по старому стилю). По описанию событий совершенно точно можно утверждать, что автор рассказа принял участие в крестном ходе 8 мая 1887 года.

⁷ Дорога, упомянутая автором рассказа сохранилась до настоящего времени и используется многочисленными туристами и паломниками для посещения исторических памятников и современного монастырского Всесвятского скита, привлекающего своей архитектурой в стиле русского севера.

А.П. Чехов

Письмо к М.П. Чеховой

11 мая 1887 г.

*Впервые опубликовано:
Полное собрание сочинений и писем
А.П. Чехова, т. XIII, (1875-1887)
— М.: ОГИЗ, 1948, с. 326-330.*

М. П. ЧЕХОВОЙ¹

11 мая 1887, Таганрог

С трепетом продолжаю. От Кравцова² я поехал в Святые Горы. До Азовской дороги пришлось ехать по Донецкой от ст. Крестная до Краматоровки. Донецкая же дорога изображает из себя следующий соус:

Центральный шарик – это ст. Дебальцево. Остальные шарики – это всяческие Бахмуты, Изюмы, Лисичански, Лугански и прочие пакости. Все ветви похожи друг

на друга, как камбурята, так что попасть в Дебальцеве вместо своего поезда в чужой так же легко, как в потемках принять Весту³ за фальшивого монетчика⁴. Я оказался настолько находчивым и сообразительным, что поездов не смешал и благополучно доехал до Краматоровки в 7 часов вечера. Здесь духота, угольный запах, [...] и 1^{1/2} часа ожидания. Из Краматоровки по Азовской дороге еду в Славянск. Темный вечер. Извозчики отказываются везти ночью в Святые Горы и советуют переночевать в Славянске, что я и делаю весьма охотно, ибо чувствую себя разбитым и хромаю от боли, как 40000 Лейкиных.⁵ От вокзала до города 4 версты, за 30 коп. на линейке. Город – нечто вроде гоголевского Миргорода; есть парикмахерская и часовой мастер, стало быть можно рассчитывать, что лет через 1000 в Славянске будет и телефон. На стенах и заборах развешаны афиши зверинца, под заборами экскременты и репейник, на пыльных и зеленых

улицах гуляют свинки, коровки и прочая домашняя тварь. Дома выглядывают приветливо и ласково, на манер благодушных бабушек; мостовые мягки, улицы широки, в воздухе пахнет сиренью и акацией; издали доносятся пение соловья, кваканье лягушек, лай, гармоника, визг какой-то бабы...

Остановился я в гостинице Куликова, где взял № за 75 коп.⁶ После спанья на деревянных диванах и корытах сладостно было видеть кровать с матрасом, рукомошник и — о великодушные судьбы! — милейшего Якова Андреича.

(Путешествуя по миру, я пришел к заключению, что Яков Андреич гораздо полезнее и Якова Алексеича⁷, и Якова Сергеича Орловского⁸ и даже Яшеньки М.⁹!)

В открытое настежь окно прут зеленые ветки, веет зефир... Потягиваясь и жмурясь, как кот, я требую поесть, и мне за 30 коп. подают здоровеннейшую, больше, чем самый большой шиньон, порцию

*Гостиница «Одесса» в г. Славянске по
ул. Таганрогская. Здесь останавливался
А.П. Чехов 5-6 мая 1887 года*

ростбифа, который с одинаковым правом может быть назван и ростбифом, и отбивной котлетой, и бефштексом, и мясной подушечкой, которую я непременно подложил бы себе под бок, если бы не был голоден, как собака и Левитан на охоте.

Утром чудный день. Благодаря табельному дню (6 мая) в местном соборе звон. Выпускают из обедни. Вижу, как выходят из церкви квартальные, мировые, воинские начальники и прочие чины ангельстии. Покупаю на 2 коп. семечек и нанимаю за 6 рублей рессорную коляску в Святые Горы и (через 2 дня) обратно. Еду из города переулочками, буквально тонущими в зелени вишен, жерделей и яблонь. Птицы поют неугомонно. Встречные хохлы, принимая меня, вероятно, за Тургенева, снимают шапки, мой возница, Григорий Поленичка, то и дело прыгает с козел, чтобы поправить сбрую или стегнуть по мальчишкам, бегущим за коляской... По дороге тянутся богомольцы. Всюду горы

и холмы белого цвета, горизонт синевато-бел, рожь высока, попадаются дубовые леса, – недостает только крокодилов и гремучих змей.

В Святые Горы приехал в 12 часов. Место необыкновенно красивое и оригинальное: монастырь на берегу реки Донца, у подножия громадной белой скалы, на которой, теснясь и нависая друг над другом, громоздятся садики, дубы и вековые сосны. Кажется, что деревьям тесно на скале и что какая-то сила выпирает их вверх и вверх... Сосны буквально висят в воздухе и, того гляди, свалятся. Кукушки и соловьи не умолкают ни днем, ни ночью...

Монахи, весьма симпатичные люди, дали мне весьма не симпатичный № с блинообразным матрасиком.¹⁰ Ночевал я в монастыре 2 ночи и вынес тьму впечатлений. При мне, ввиду Николина дня, стеклось около 15 000 богомольцев, из коих 8/9 старухи. До сих пор я не знал, что на свете так много старух, иначе я давно бы уже за-

стрелился... О монахах, моем знакомстве с ними, о том, как я лечил монахов и старух, сообщу в «Новом времени»¹¹ и при свидании. Служба нескончаемая: в 12 часов ночи звонят к утрени, в 5 – к ранней обедне, в 9 – к поздней, в 3 – к акафисту, в 5 – к вечерне, в 6 – к правилам. Перед каждой службой в коридорах слышится плач колокольчика, и бегущий монах кричит голосом кредитора, умоляющего своего должника заплатить ему хотя бы по пятаку за рубль:

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас! Пожалуйте к утрени!

Оставаться в № неловко, а потому встаешь и идешь... Я облюбывал себе местечко на берегу Донца и просиживал там все службы.

Купил тетке Федосье Яковлевне¹² икону.

Еда монастырская, даровая для всех 15 000: щи с сушеными пескарями и кулеш. То и другое, равно как и ржаной хлеб, вкусно.

Звон замечательный. Певчие плохи. Участвовал в крестном ходе на лодках.¹³

Прекращаю описание Святых Гор, ибо всего не опишешь, а только скомкаешь.

На обратном пути пришлось на вокзале ждать 6 часов. Тоска. На одном из поездов видел Созю Ходаковскую: мажется, красится во все цвета радуги и сильно окошкодохлилась.¹⁴

Всю ночь в III классе дохлого, гнусного, тянучего товаро-пассажирского поезда. Утомился, как сукин сын.

Теперь я в Таганроге. Опять «ета...

*Монастырская гостиница, где останавливался
А.П. Чехов 6-8 мая 1887 года*

ета... ета...», опять короткий диванчик, Котатс, вонючая вода в рукомойнике... Езжу в Дубки, в карантин и гуляю в садах. Много оркестров и миллион девиц. Вчера сижу с одной девицей, местной аристократкой, в Алферакинском саду; она показывает мне на одну старуху и говорит:

– Это такая стерва! Поглядите: у нее даже походка стервьячая.

Между девицами попадаются хорошенькие, но я решил не изменять Яшенькам.

Изучаю местную жизнь. Был на почте, в купальнях, на Касперовке... Открытие: в Таганроге есть Мясницкая улица.

На большой улице есть вывеска: «Продажа искусственных фрухтовых вод». Значит, слышал, стерва, слово «искусственный», но не расслышал как следует и написал «искусминный».

Если я пришлю к Вам на дачу телеграмму такого рода: «Вторник дачным Алексея», то это значит, что приеду во вторник с дачным поездом и прошу выслать Алек-

сея. Вторник, конечно, не обязателен, ибо я не знаю ни дня, ни часа, когда вернусь домой и сяду за работу.

Когда пишу, тошнит. Денег у меня нет, и если б не способность жить на чужой счет, то я не знал бы, что делать.

Пахнет акацией. Людмила Павловна⁵ растолстела и очень похожа на [...] Никакой ум не может постигнуть всей глубины ее ума. Я когда слушаю ее, то решительно теряюсь перед неисповедимыми судьбами, создающими иногда такие редкие перлы.

Непостижимое создание! Я еще не забыл анатомии, но глядя на ее череп, начинаю не верить в существование вещества, именуемого мозгом.

Дядя прелестен и чуть ли не лучше всех в городе.

А. Чехов.

Получил от Марии Владимировны¹⁶ письмо.

Комментарии к письму
М.П. Чеховой

¹ Чехова Мария Павловна (1863-1957) – сестра А.П.Чехова. Преподавала историю и географию в женской гимназии в Москве. Принимала активное участие в делах брата и стала его душеприказчицей после кончины писателя в 1904 г. Благодаря М.П.Чеховой сохранился ялтинский дом писателя и его обстановка. По её инициативе и при непосредственном участии был создан в 1920 г. Дом музей Чехова в Ялте, бессменной заведующей которого она была. При её содействии был основан Чеховский музей в Москве (Государственный литературный музей), Дом-музей Чехова в Сумах, пополнена коллекция Таганрогского музея им. Чехова.

М.П.Чехова привела в порядок литературное и эпистолярное наследие писателя, издав его переписку в шести томах. Публикуемое в настоящем издании письмо А.П.Чехова к сестре написано под впечатлением посещения писателем Святых Гор и носит характер путевых заметок. Впервые полный текст

письма от 11 мая 1887 года был опубликован в Полном собрании сочинений и писем А.П.Чехова в 1948 году (т. XIII, с. 326-330). Благодаря этому письму совершенно точно установлена дата пребывания Чехова в Святогорском Успенском монастыре (6 – 8 мая 1887 года).

² Пётр Кравцов, молодой хорунжий, у которого ранее учительствовал Чехов и с которым у писателя сложились товарищеские отношения. На хуторе Кравцовых под названием Рагозина балка (ныне Луганская обл.) жил А.П.Чехов весной 1887 года. Именно эту местность писатель назвал Донской Швейцарией.

³ Веста – собака художника И.И. Левитана.

⁴ Фальшивый монетчик – так прозвали собаку А.С. Киселёва, владельца имения Бабкино, в котором проживала семья Чеховых летом 1885, 1886, 1887 гг.

⁵ Лейкин Н.А. – писатель юморист, редактор журналов и газет, в т.ч. «Осколков», где печатался молодой А.Чехов в 80-х гг. XIX в. В 1887г. произошла по выражению Чехова «разладица» с Лейкиным и их сотрудничество прекращается.

⁶ Здание гостиницы Куликова не сохранилось. С момента постройки в 1876 году и до сер. 60-х гг. XX в. двухэтажное здание по ул. Бахмутской (Таганрогской) использовалось в качестве гостиницы под названием «Одесса». Здание утрачено при реконструкции застройки современной ул.Свободы. В настоящее время на этом месте находится банк «Аваль». Фотография гостиницы «Одесса» периода 60-х гг. XX в., публикуемая в настоящем издании, предоставлена Славянским краеведческим музеем.

⁷ Яков Алексеевич Корнеев – врач, владелец дома на Садовой – Кудринской улице в Москве, в котором А.П.Чехов снимал квартиру с 1886 г.

⁸ *Яков Сергеевич Орловский – чиновник, знакомый А.П.Чехова.*

⁹ *Яшенька – Янова Мария Степановна, знакомая А.П.Чехова, сестра художника А.С.Янова.*

¹⁰ *А.П.Чехов остановился в монастырской двухэтажной гостинице в номере с видом на Донец. В конце XIX в. это здание реконструировано в трёх этажную гостиницу, на фасаде которой в 1954 году установлена мемориальная доска о пребывании Чехова в Святых Горах.*

¹¹ *«Новое время» – газета, издававшаяся в Петербурге А.С.Сувориным с 1876 г. О своём пребывании в Святогорском монастыре А.П.Чехов написал рассказ «Перекасти-поле (Путевой набросок)», опубликованный впервые 14 июля 1887 года в № 4084 «Нового времени».*

¹² *Федосья Яковлевна Долженко – тётя А.П.Чехова по матери.*

¹³ Крестный ход на лодках по Дону совершался ежегодно 8 мая, в день памяти святого Арсения (21 мая по новому стилю). В этот день религиозная процессия с хоругвями и иконами направлялась водным путём в скит Святогорского монастыря, находившегося в 1,5 километрах от монастыря. Здесь, в живописной ложине, именуемой в народе «Святое место. Роца-скит» была устроена каменная церковь во имя Вел. Арсения и несколько деревянных келий для монахов скитников.

¹⁴ Созя (Софья) Ходаковская – дочь таганрогского таможенного чиновника.

¹⁵ Людмила Павловна Чехова – жена дяди писателя, Митрофана Егоровича Чехова.

¹⁶ Мария Владимировна Киселёва – жена А.С. Киселёва, писательница, дочь директора императорских театров В.П.Бегичева, внучка известного писателя – гуманиста Н.И. Новикова.

Содержание

Вступительное слово	3
ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ (Путевой набросок)	23
<i>Комментарии</i>	68
ПИСЬМО К М. П. ЧЕХОВОЙ	71
<i>Комментарии</i>	82

Літературно-художнє видання

А.П. Чехов
у Святих Горах

Автор вступу та коментарів

В. М. Дєдов

Оформлення

Е. Є. Флерова

Комп'ютерна верстка та оригінал-макет

В. В. Ковальов

Підписано до друку 11.05.2010.

Формат 60x84 1/32. Папір офсетний.

Друк офсетний. Гарнитура Times.

Обл. вид. арк. 2,72. Тираж 1000 прим. Зам. № 105/3.

Державне підприємство «Ордена «Знак пошани» всеукраїнське державне багатопрофільне видавництво «Донбас».

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта видавничої справи ДК № 728 від 19.12.2001.

Виготовлено ТОВ «РА «Ваш імідж».

83055, м. Донецьк, вул. Артема, 80а.

За участю ФОП Малихіна І. Б.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців, виготовників і розповсюджувачів видавничої продукції ДЦ № 135 від 09.02.2008.

